

Рене Эсель

Не разбивай мое сердце

18+

ЗАПРЕТНЫЕ ЧУВСТВА

НЕПРЕОДОЛИМОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

НЕИЗБЕЖНОЕ ПАДЕНИЕ

LIKE
BOOK

Опасные желания (Эксмо)

Рене Эсель

Не разбивай мое сердце

«Эксмо»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Эсель Р.

Не разбивай мое сердце / Р. Эсель — «Эксмо»,
2026 — (Опасные желания (Эксмо))

ISBN 978-5-04-254204-6

Их родители счастливы в браке, но для Егора и Клавы это стало началом войны под одной крышей, где за каждой ядовитой колкостью прячется дикое, сводящее с ума притяжение. Пока питерский октябрь заливает улицы, стены общей квартиры становятся тесной ловушкой для двоих. Наша взаимная неприязнь началась с упавшего кокоса. Егор Довлатов – мой сводный брат, футболист, привыкший вбивать соперников в газон. Самоуверенный, напыщенный индюк и настоящий монстр, решивший, что мой дом теперь принадлежит ему. Мы искренне презирали друг друга, превращая каждый семейный ужин в изощренную пытку, а жизнь под одной крышей – в бесконечную войну на выживание. Я была уверена, что между нами нет и не может быть ничего, кроме желания уничтожить друг друга. Но грань между яростью и страстью оказалась пугающе тонкой. Один поцелуй, один момент слабости – и я совершила самую большую ошибку: отдала свое сердце тому, кто не умеет его беречь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-254204-6

© Эсель Р., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рене Эсель

Не разбивай мое сердце

Серия «Опасные желания»

Иллюстрация на обложке *Ксении Сергеевой*

LIKE
BOOK

© Рене Эсель, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Наша взаимная неприязнь началась с упавшего кокоса.

Он – мой сводный брат. Монстр, отравляющий жизнь. Егор Довлатов – самоуверенный, напыщенный индюк, которого я искренне ненавижу.

Или ненавидела...

Ровно до тех пор, пока не отдала ему свое сердце.

А он безжалостно его растоптал.

Глава 1

Клава

– Я знаю, как лучше.

Все idiotские решения в моей жизни начинаются с этих слов.

Как лучше раскататься на качельках, чтобы сделать солнышко и заработать три перелома. Залезть на яблоню у соседа и схлопотать по заднице ремнем. Или открыть чертов кокос, привезенный мамой из Таиланда.

А потом кинуться в отделение полиции с обвинением в непредумышленном причинении вреда здоровью.

– Я знаю, как лучше, – повторяю излюбленную фразу.

– Может, не надо?

Моя соседка прижимает к груди Библию. Полчаса назад она убила ею таракана. Божья тварь не выдержала карающего перста и померла на месте. Теперь Дашка косится на потрепанную книжицу и примеряется к моей голове.

Думает, что через удар достигнется до затуманенного новой идеей рассудка.

– Все нормально, Даш, – трясущимся волосатым, как задница павлина, орехом внушительных размеров и выбираюсь на лоджию.

Бр-р, холодина.

Конец октября в Питере мрачный, туманный и дождливый.

Температура доходит до минусов, отопления толком нет. Никто не спешит с подготовкой батарей к сезону. Поэтому в комнате, которую мы с Дашей делим на двоих, постоянно холодно и до неприличия сыро.

Сколько раз писали и ходили в администрацию вуза, ректора посещали – все без толку.

Окна не вывалились? Вода есть?

Пока, девочки. Или переселяйтесь в отдельные квартиры, цены на которые в десять раз выше любой стипендии и зарплаты официантки, или терпите.

– Месяц назад ты тоже так говорила. Потом нас чуть не исключили, – едва не плачет Даша.

– Подумаешь, подсунула нашему преподу по психологии визитку местного общества анонимных онанистов. Ты видела, как он пялился на задницы девчонок в коридоре?

– У него косоглазие, Клав.

– Это не повод!

Клава – это я.

Точнее, Клава Добронравова, студентка четвертого курса Санкт-Петербургского государственного университета. Будущий конфликтолог, который сам поспорит с кем захочет. Большой профессионал своего дела. Мастер скандалов, расследований и университетских интриг.

Я прекрасна, умна, скромна и...

Ладно.

Просто зовите меня «Мисс Катастрофа».

– Лучше положи кокос в холодильник и дожись Матвея. Завтра придет с инструментами и вскрыет, – вздыхает Даша.

Поздно.

Я уже настроилась.

Зря мокла полчаса, пока искала кирпич, чтобы подложить под него записку с просьбой не трогать чужой кокос?

Нет, нет и нет.

Придет Матвей, и с ним придется делиться лакомством.

Он и так сожрал все манго, которые мама щедро выдала в качестве пайка после отдыха на солнечных островах с новым кавалером. Про креветочные чипсы, коробку тайской лапши и прочие вкусняшки молчу. Все смёл.

Термит.

То, что он наш одноклассник и мой лучший друг детства, не имеет значения.

Никаких ему кокосов.

– Все нормально. Я точно знаю, что делаю.

Жмурюсь, когда ветер в меня бросает крупные дождевые капли. Светлые волосы моментально облепляют лицо, а по щекам растекается влажостойкая тушь. Футболка тоже намокает, и сквозь ткань виднеется ярко-розовый лифчик.

Лучше бы надела свитер. Ну ладно.

– Там же никому по голове не прилетит? – растерянно моргает Даша и поглаживает Библию.

С опаской кошусь на книжечку в ее руках. Жду момента, когда она запустит ею в меня.

Хорошо или нет, но подруга не идет на крайние меры. Откладывает оружие бумажного производства, затем шагает следом на лоджию.

– А нечего под окнами девчачьего общежития по вечерам шататься, – громко фыркаю и поднимаю руку, чтобы бросить кокос.

– Стой!

Вздрагиваю, замираю и кошусь на Дашу.

– Что?

– погоди, надо подготовиться. Морально. – Она закрывает глаза.

Вижу, как ее черные ресницы, слипшиеся от влаги, подрагивают. Алые губы кривятся, прямой нос морщится, а на высоком лбу проступает складка. Закатываю глаза и застываю в ожидании, пока подруга надышится свежим воздухом.

Ладонь покалывает от нетерпения и прикосновения жестких волосков к коже. В груди зарождается нехорошее предчувствие.

Если бы не десять шотов в баре, вероятно, лежать кокосу в холодильнике еще долго. Но я сегодня навеселе, Даша тоже. Потому безумный план воплощается. Без Матвея, который обычно выступает нашим гласом разума.

Кто виноват, что он променял подруг на холеную блондинку с третьего курса экономического факультета?

Никто.

Вот и я не виновата, что у меня возникла идея. А идеи, как гласит великомудрость из интернета, надо претворять в жизнь.

– Все?

– Да. – Даша вздыхает роскошной *троечкой*. Потом сжимает подушечки большого и указательного пальцев вместе, затем открывает глаза. – Давай. Жги. Только не в сторону парковки. Долетит до «Лексуса» ректора, потом не расплатимся. У меня-то нет богатого отчима.

– У меня тоже, – бурчу недовольно. – Уверена, что мама просто пошутила насчет свадьбы. Триста раз клялась мне, что больше никогда не выйдет замуж.

– Угу, все так говорят.

– Ой, перестань.

– Кидай уже.

– Все-все. Сейчас.

– Клава, блин!

– Бросаю, бросаю.

Кокос совершает короткий марш-бросок в сторону клумб. Туда, где я оставила кирпич с запиской. Все происходит, как в замедленной съемке: орех описывает дугу и летит по четко заданной траектории.

В этот момент из кустов выбирается какая-то тень. Ночь на дворе, ничего толком не разобрать.

Только короткий вскрик, когда кокос настигает мужика. Бедолага валится на мокрую брусчатку. Прямо под одинокий фонарь, который освещает небольшой пятачок территории возле клумб.

– Так... – первой отмирает Даша. – Кажется, мы совершили преступление.

– Убили кокос? – нервно хихикаю, находясь под впечатлением.

– Убили человека. Кто пойдет сдаваться в полицию?

Глава 2

Егор

Мячом в лицо мне прилетало. Но чтобы кокосом?!

– Не крутитесь, молодой человек, – шлепает по плечу секси-медсестричка и царапает кроваво-красными коготками оголенную кожу.

Вкуснятина.

Взгляд намертво прикован к пышной *троечке* в вырезе белого халата. Считаю, что руководителям этого медицинского учреждения пора ставить памятник при жизни. У мертвого *встанет и пойдет* с такими работницами.

Ей бы в порно сниматься, а не швы накладывать.

Процедура безболезненная. К счастью. В противном случае идиоту, догадавшемуся сбросить кокос, не жить.

А так все очень даже неплохо.

Спасибо скажу. Потом. Если сезон из-за легкого сотрясения не накроется. «Питерские гиены» не простят потерю форварда перед главным матчем.

Футбол – моя жизнь. Сначала детская сборная, после – юношеская. В случае успешного завершения сезона передо мной маячит перспектива перехода в лучшую команду страны.

Деньги, телки. Телки, деньги. Только за то, что занимаешься любимым делом.

Не жизнь, а кокосовый рай.

Опять чертовы кокосы! Трясу головой, прогоняю наваждение.

Нет. Я не переживу расставания с мячом. Или двумя. Аппетитными такими, в ловушке жесткого хлопка.

Рот наполняется сладкой слюной. Серебряный крестик призывно раскачивается над двумя белоснежными холмами.

Нет, я не виноват. Тут сам бог велел.

Довольно цокаю и тянусь к мягким гипнотизирующим полушариям.

– У тебя пятно какое-то, – щурюсь, затем с видом невинного младенца касаюсь шелковистой кожи. – Здесь.

– Егор Алексеевич, детский сад, – фыркает, краснеет и отталкивает ладонь. Еще губу закусывает. Сочную. Как только ягодный сок не потек.

Да, да. Верю, что не ведешься.

Егор Алексеевич Довлатов – я. Высококонцентрированная скотина в теле Аполлона. Будьте внимательнее.

Меня хотят все.

И это не мое личное мнение. Я же не нарцисс.

Научный подход, голое исследование. Будучи образованным человеком, студентом Санкт-Петербургского государственного университета, я привожу статистические данные. Результат опроса показывает, что более ста респондентов в возрасте от восемнадцати до тридцати голосуют за меня.

Вот и очередная жертва моего обаяния скоро падет ниц.

Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей. Пушкин ерунды не скажет.

– Актрису напоминаешь, – тяну, затем цепляю рыжий локон.

Медсестричка замирает. Рот приоткрывает. Губы поблескивают от слюны и остатков блеска. Просто ходячая эротическая фантазия.

– Какую?

– Память на имена ужасная, – цыкаю притворно и тяну за ослабевшую руку на себя. – Я тебе сейчас сюжет в подробностях продемонстрирую.

В сторону отлетает хлипкий столик на скрипучих колесиках. На пол валится металлическая посуда с использованными шприцом, иглой и ниткой. Следом за ними с треском разорванной ткани градом рассыпаются пуговицы.

Медсестричка вскрикивает и обнимает меня за шею. Удачненько упала. Прямо на колени. Ширинка упирается между раздвинутых ног, а нос погружается в манящую ложбинку. Жадно кусаю мягкие полушария, стискиваю до жалобного писка роскошные бедра.

– Егор-ор, – возбужденно вздыхает медсестричка.

Дергает за волосы, грозит оставить без скальпа. Настоящая кошка. Тигрица.

– Егор! – раздается сбоку знакомый рык.

Упс.

Медсестричка испуганно взвизгивает, подскакивает на ноги и растерянно оглядывается по сторонам. Судорожно сводит на груди края разорванного халата, пока я недовольно взираю на незваного гостя.

Привет, папочка. Алексей Юрьевич собственной персоной. Плейбой, филантроп и еще с двадцать терминов, которые значат для баб одно: бабки. И этот родитель неожиданно вспомнил, что у него сын есть.

А я ведь чуть не умер, между прочим! Пострадал от варварского покушения кокоса.

Мог бы и пораньше приехать.

Опять тискался со своей престарелой невестой. Нет бы, как нормальные олигархи, найти молодую содержанку? С сиськами, ногами от ушей и задницей размером с половину дома. Нет, жениться собирается.

Моего мнения, естественно, никто не спрашивает.

Теперь отец стоит на пороге, пускает пар из носа. Еще немного, и здесь можно строить сауну. А мы в больнице. Никакого уважения к медицине и тяжелораненому сыну. Мне противопоказаны повышенные температуры. Я внимательно слушал!

– Алексей Юрьевич, – лепечет медсестричка, после чего утыкается взглядом в пол, – я пойду. У меня там пациенты.

Моя несостоявшаяся фантазия исчезает в дверях со скоростью звука. Отец едва успевает набрать в грудь побольше воздуха.

Забираюсь на кушетку с ногами и устраиваю ладони на груди. Поза покойника для особо важных переговоров.

– Ни в какие ворота, – шипит отец, пока я тихонько напеваю марш Шопена. – Егор, прекращай паясничать.

– Такой трах обломал, бать, – вздыхаю обреченно и шмыгаю носом. – Даже не знаю, как тебя прощать.

– Зря не порол тебя в детстве.

– Зря, зря, – кричаю, в наигранном удивлении приподнимаю брови. – А что? Теперь поздно, да? Ой, как обидно-о-о.

– Ключи от машины. Быстро, – сипит отец с плохо скрываемым гневом.

– Начинается. Бать, мы это проходили. Игры, тренировки, вот это вот все. Из нашего домика на общественном транспорте ехать тысячу лет. Ты же не хочешь, чтобы будущая звезда футбола завалила карьеру из-за очереди в маршрутку в каком-нибудь Зажопинске?

– Значит, поживешь без футбола.

Замираю. Что?

Моргаю, пока мозг с трудом перерабатывает услышанное. Мой отец обожает футбол. Он бывший капитан, профессиональный спортсмен в прошлом.

Поле – его мир. Как и мой.

Курица, на которой он собирается жениться, закукарекала мозги? Как без футбола?

Последний вопрос задаю вслух. Отец морщится, ослабляет тугой узел галстука.

– У тебя постельный режим. Месяц. Будешь лечиться, учиться и не высовываться.

– Да за что?! – вскрикиваю и подсакиваю на ноги. – Я же ничего не сделал. Мне на голову упал кокос. Мне! Не я кому-то проломил голову, а мне проломили. Кокосом!

Отец сжимает переносицу, а я пылаю от праведного гнева. Едва он открывает рот, как дверь в палату с грохотом распаивается. На пороге появляется растрепанный блондинистый гном женского пола в сопровождении такой же белой, походящей на овечку взрослой копии.

– Лешенька, не кричи, – блеет папина подстилка с химией барашка и подхватывает отца за локоть. – Мальчик пережил стресс. Егор, ты в порядке? Клавушка не хотела...

Ошарашенно хлопаю ресницами. Пересекаемся с младшим гномом взглядами.

Клавушка?

Лешенька?

Какого. Черта. Здесь. Происходит?!

Глава 3

Клава

Если глаза – зеркало души, то у Егора Довлатова – адская бездна.

Темная и густая, как первоклассная нефть. А внутри живут золотые огоньки. Они прыгают, хохочут и приглашают в путешествие, из которого выйти целой и невредимой почти невозможно.

Я-то знаю. Сотни девчонок в университете проливают слезы по этому подонку.

Он влюбляет в себя улыбкой, наглостью, хитрым прищуром, мужественным лицом, паршивым характером и ангельски светлыми волосами. У него нет равных на поле и практически нет соперников в стенах нашей альма-матер.

Егор красив, богат, успешен в спорте. Его обожают преподаватели, возносит за победы администрация университета, постоянно обсуждают в туалетах между лекциями. Рассказывают обо всем: от размеров члена до очередного триумфа на поле.

И я зарядила ему кокосом по башке.

Блеск.

Сыно#чку главного спонсора университета и первому козлу нашего бренного мира.

«Ладно, не расстраивайся. Не убила же», – звучат в голове увещевания Дашки после вызова помощи этому лежащему полицейскому.

Воистину. Подруга умеет *в поддержку*.

– Клавушка не хотела. Просто немножечко пошутила.

Егор хлопает ресницами, а я кошусь на маму и не узнаю ее.

Пять минут назад моя грозная родительница напоминала южноамериканскую гарпию из фильмов про животных. Орала так, что стены тряслись и медицинский персонал разбежался в ужасе. Думала, клонет, и я упаду замертво на месте.

Но нет. Я выжила. Тарас Бульба в маме утих с приходом «дорогого Лешеньки».

Теперь она нежным голоском интересуется, как там поживает белобрысый недоумок. Спрашивает, не выбило ли из его пустой головы зачатки разума.

– Мам.

Пыхчу в спину Владимиры Геннадьевны Добронравовой, чьи кудряшки подпрыгивают при каждом шаге и подозрительно шевелятся. Как змеи у Медузы горгоны из легенд о Персее. Любого обратит в камень.

Когда она поворачивается, взгляд а-ля Тарас, который породил и убил, возвращается к ней. Но интонация все такая же ласковая.

– Клавочка сейчас же извинится, и мы замнем инцидент, – мурлычет не хуже кошки, а у самой сквозь зубы прорывается шипение.

Ладно, признаюсь. Я накосячила знатно. Но это не повод мысленно душить родную дочь!
– Ни за...

Давлюсь кашлем и кошусь на мрачающего Егора.

Его состояние, а также чересчур активная мимика вкупе с шустрым передвижением по постели намекают, что он практически не пострадал. Такого дуболома не свалишь жалким кокосом.

– В смысле, прости, Егор.

– Ты кто вообще?

Давлю раздраженный вздох. Не то чтобы у четверокурсников с пятикурсниками на нашем факультете много общих занятий, но пересекаемся мы часто. Как минимум на этаже у деканата, как максимум – возле кабинетов.

Да и наши родители давно вместе. Мог бы запомнить, тупица.

– Твоя влажная мечта с кокосовой пальмы, – иронично тяну и в ответ получаю кривую усмешку.

– Вот уж не думал, что ты решишь так поздно исполнить мою детскую просьбу о ручной обезьянке, пап.

– Клава!

– Егор!

Родители дружно обрывают короткий спор.

– Какого черта они вообще сюда притащились? – раздраженно интересуется неандерталец в фиолетовой майке и синих джинсовых лосинах с дырками.

Кто-то должен ему сказать, что обтянутая мужская задница, хоть и красивая, не выглядит в таких штанах сексуально.

– Егор, мы поговорим позже. Пока ты должен соблюдать постельный режим, принимать лекарства и отдыхать. Как раз сделаешь упор на учебу. А Клава тебе поможет в качестве компенсации за моральный ущерб, – спокойно отзывается Алексей Юрьевич, на что я скриплю зубами.

Шикарное решение. Меня никто не спросит?

– Чем? Банан подаст? Не волнуйся, прислуга прекрасно справляется.

– Мам, ты уверена, что я поступила плохо? Может, надо было вторым кокосом бросить и оставшимся манго добить? – рычу тихо, чтобы «драгоценный Лешенька» не расслышал.

– Скажи спасибо, что никто полицию не вызвал, – шипит в ухо мама. – Чем ты думала, Клав? А если бы правда убила?

– Я проверяла! Там никого не было! Он появился неожиданно. Мы с Дашкой...

– Вас с Дашкой расселять пора. Уж больно вы активные и нарываетесь на неприятности.

Закрываю рот, потому что мамино слово тверже камня. Если решит нас развести по разным углам – ничего не поможет. Распахиваю глаза пошире, чтобы получить взгляд, как у котика из мультика.

В ответ раздается недовольный вздох.

– Клава согласна, – отрезает мама, и у меня внутри все обрывается. – Вместе поживете, притретесь.

– Мам!

– Пап, зачем? У нас теперь проходной двор в особняке, что ли?

– Почему проходной? – Алексей Юрьевич искоса и как-то даже виновато смотрит на меня. – Клава и Влада теперь часть нашей семьи, Егор. Так что они обе переедут к нам в ближайшее время.

Ошарашенно смотрю на него, затем на маму. Наши с Довлатовым лица в унисон вытягиваются, мозг, словно поломанный компьютер, обрабатывает полученную информацию и выдает бесконечную ошибку.

404 Not Found.

А потом наши голоса сливаются в единый вопль:

– Что?!

– Леша, я же просила, – стонет мама и закрывает лицо ладонями.

Только тут замечаю на ее безымянном пальце, которое долгое время оставалось без украшений, золотое кольцо. С красивеньким таким бриллиантом. Его вес в каратах страшно представлять, ибо он огромный.

Огромный, черт возьми, желтый бриллиант!

– Мам, – вместо рыка получается жалкий писк, – что происходит?

– Бать, скажи, что пошутил. Типа первое апреля. И плевать, что октябрь, – вторит мне Довлатов.

– Боюсь, что нет, – Алексей Юрьевич улыбается, как блаженный, и кладет свою лапищу на мамину талию. – Мы с Владой втайне расписались утром, а скоро планируем обвенчаться.

От нашего ора сотрясаются больничные стены.

– Что?!

Глава 4

Егор

– Бать, мне интересно, – щелкаю языком и подозрительно кошусь на суетящуюся домработницу.

Тамара Степановна сегодня в ударе. Напевает под нос, размахивает пипидастром, подобно гимнастической ленте. И не сказать, что человечку за шестьдесят. На цыпочках скачет, цветет, пахнет. Все понятно без слов: наша горничная, экономка и моя няня в одном лице счастлива видеть в доме этих сук.

Блин. Даже она в курсе, а я нет.

Предательница. Наводит парадный марафет в малой гостиной. Главное, ничего мне не сказала. А ведь вместо матери была практически.

У той-то только Париж на уме да очередной ля Козел.

– Что? – Отец падает на диван и косится на циферблат часов.

Злорадно хмыкаю.

Давно тебя, папочка, никто не заставлял себя ждать.

Овечий отряд раскладывает вещи уже больше часа. Нет, я бы тоже дал деру. Но куда? Едва завалился на кровать, как ворвался отец и вытащил в гостиную за ухо. Спасибо, хоть не пинками. У нас же «семейный» ужин.

Дома.

В ресторан бы сгоняли. Свадьба как-никак.

– Трахаться можно без штампа в паспорте, – выдыхаю со стоном и утыкаюсь лицом в ладони.

– Знаю, иначе ты бы не родился.

Отец со смешком бьет по плечу. Да, наши отношения весьма своеобразны. Такое случается, когда папаня старше тебя всего на двадцать лет.

Догадка пронзает острой иглой. Распахнув рот, испуганно округляю глаза и в упор смотрю на него.

– погоди, она того? – Под вопросительный взгляд отца обвожу воображаемый беременный живот. – Блин, бать...

– Нет.

Хмурюсь.

– Тогда какого черта? Ты ее видел? Там что мать, что дочь. Ни рожи, ни кожи. Или у нее способности всасывания превышают мощность промышленного пылесоса? Камон, в дом-то зачем тащить?

Отец багровеет, но я не останавливаюсь. Затыкаюсь, когда тяжелая ладонь с грохотом опускается на стол. Вздрагиваю. Ядовитые слова застревают в глотке, а легкие сводит спазм. Папаны умеет смотреть, как на мусор.

– Слушай сюда, – его в голосе звенит металл, – Влада и Клава теперь члены нашей семьи. Нравится тебе это или нет. Я так решил. Снова услышу подобную чушь – высеку. Тебе двадцать три года, здоровый мужик, а ведешь себя как ребенок.

– Блин, начинается, – шикаю недовольно и скрещиваю на груди руки. – Матушкой ее не величать?

– Скажу – будешь и маменькой называть.

– Еще я всяких членососок в матери не зачислял.

Звон расколовшейся тарелки рассекает воздух. Тамара Степановна обреченно вздыхает и тенью исчезает в проеме.

Нет, так нечестно. Оставляет меня на растерзание человеку, которому по мозгам ударила сперма! Никакой защиты несчастному ребенку.

– Пошел вон, – сипит отец.

– Слава яйцам! Спасибо за вольную, бать, – рычу и подпрыгиваю с места. – Попей водички, успокойся. А то «семья» подумает, что попала в лапы к маньяку.

– В комнату! – летит в спину яростный рев. – Карты можешь выкинуть!

– Да мне плевать!

Уеду к маме в Париж. Она с окончания школы ждет меня в гости. Лишь бы не смотреть на этот театр абсурда. А клуб... Да меня и там купят. Сто процентов. Какая разница?

Отец – наивный идиот. Запустил двух охотниц за его баблом в дом и радуется.

Хотя гном, видимо, тоже не в восторге.

Перед глазами встают удивленно распахнутые омуты.

Единственное, что в ней цепляет. Светло-ореховые радужки с зелеными прожилками. Вроде обычные, но есть в них что-то интригующее. Еще аромат. Гном пахнет малиной. Дешевая фигня с маркетплейса, но послевкусие у нее приятное.

Надо же чем-то привлекать. Поэтому в меня кокосом швырнула. Креативный подход, творческая мысль.

Дура.

Как в плохом анекдоте: белая тень внезапно вылетает из-за угла. Прямо под ноги. Едва удерживаю вертикальное положение, на автомате хватаю тощие плечи. Еще чуть-чуть, и улети бы с лестницы.

– Блин! – рявкаю, глядя в знакомые глаза. – Ненормальная?! Решила добить?

– Сдался ты мне! – хмурится. – Дураки и богу не нужны. Бабуля говорила.

– А то мне есть дело до родового древа овец.

Настоящий гном. В пупок дышит. Яростно. Будто сожрет сейчас. Когда-нибудь споткнусь и сверну ей шею.

Клава запрокидывает голову так сильно, что позвоночник хрустит. Дергается возмущенно, а я разжимаю пальцы.

Хочет упасть? Вперед.

Вопреки злорадному ожиданию, гном крепко стоит на коротеньких ножках, выглядывающих из-под розового худи.

– Генеалогического, тупица, – задирает нос выше.

– Долго думаешь, гном. Не засчитано, – скептически цыкаю.

Забавная зверюшка. Напоминает обезьянку. Шимпанзе. Такую только нарядить во что-то приличное и отправить в парк. Фотографироваться с туристами.

Лицо Клавы кажется знакомым. Щурюсь, пока в голове скрипят извилины. Однозначно где-то ее видел.

Трахались, что ли?

Нет, невозможно. У меня прекрасный вкус на девушек.

Тогда зачем кидается на меня? Влюбилась?

– Где я видел тебя?

– Мы учимся на одном факультете, кретин, – вздыхает и обреченно косится в сторону гостинной.

Оттуда доносится смех. Приятный, к слову. Если бы не обстоятельства и его владелица.

– Шуруй, – подталкиваю гнома в спину, а она ойкает от неожиданности. – Там ждут.

– У тебя забыла спросить, – огрызается.

А сама оглядывается так. С надеждой. Видно, не горит желанием идти.

– Не хочешь?

– Угу, – вздыхает честно и натягивает рукава худи на тонкие кисти. – Никакого настроения.

– Понимаю.

Прекрасно, не одному мне страдать.

Очаровательно улыбнувшись, набираю в грудь побольше воздуха. Хитро шуюсь, наклоняюсь к застывшей Клаве.

– Тамара Степановна! Проводите Клаву, она заблудилась, – кричу, глядя прямо в расширенные зрачки. После чего тихонько добавляю: – Приятного вечера, гномик.

Глава 5

Клава

- Лешенька, положить добавки?
- Нет, нет, Владочка. Скоро и так размером с дом стану.
- Какие глупости, милый. Ты прекрасно выглядишь, стройный как кипарис.

Отворачиваюсь, прикладываю два пальца ко рту. Делаю вид, будто меня тошнит. В гостиной воняет прогорклой ванилью, потому что «родители» источают любовь за километр. Прямо не семья, а реклама майонеза.

«Клава, прекрати истерику. Я взрослая женщина и имею право строить личную жизнь. Либо ты поддерживаешь меня, как взрослая и ответственная девочка, либо нет».

С подачи мамы мое будущее выглядит печально. В унылом трехэтажном коттедже, похожем на склеп Битлджуса. Для атмосферности не хватает только древнего зла в подвале, странных шумов и скелетов по шкафам.

Впрочем, кто знает. Вдруг у моего новоиспеченного папочки найдется парочка под кроватью? Нормальный, адекватный бизнесмен с миллионами на счетах не женится с бухты-барахты на нищей медсестре.

Хотя история их любви очень красивая.

Он весь такой привлекательный и властный, она вся такая нежная и трепетная.

Наши с Егором родители встретились у кафетерия, когда машина Алексея Юрьевича не справилась с управлением из-за криворукого водятла. Будущий отчим почти не пострадал, но мама все равно оказала ему первую помощь и наказала приехать в ближайший травмпункт на осмотр. А он так треснулся головой, что сразу влюбился.

Прямо с первого взгляда.

«Дорогая, ты не представляешь. С ним я расцвела», – опять проносится перед глазами наш короткий разговор в моем общежитии, куда мы приехали за вещами.

Все происходит слишком быстро. Еще вчера я готовилась к лекции, ни о чем не парилась, думала о голубых глазах Сеньки Разина с третьего ряда. Прикидывала, как лучше позвать его на свидание.

Сам-то он не подойдет. Слишком скромный.

Теперь сижу в каменном мавзолее, разглядываю скучные винтажные панели из мрамора, кошусь на золотые орнаменты и мечтаю о переезде в Африку. Насовсем. К аборигенам. Пусть меня сожрут людоеды. Только не жизнь под одной крышей с часами времен товарища Сталина и полудурком по имени Егор.

– Клава, почему не ешь? Твоя мама сказала, что ты любишь итальянскую кухню, – улыбается мне Алексей Юрьевич, который впервые за час ужина вспоминает о моем присутствии.

Шикарно начинаются семейные будни. Прямо веет романтикой, скрепами и традиционными ценностями.

– Я люблю карбонару, а не сопли с овощами, – мрачно тычу в тарелку с супом.

– Это минестроне, – давит смешок недоотчим.

– Клава, мы же договорились, – опять шипит мама и гневно сверкает взглядом.

Пожимаю плечами, затем приподнимаю подбородок повыше. Показываю всю силу своего недовольства. Раньше такое прокатывало, но и мама не вела себя как влюбленная идиотка. Не носилась за мужиком, не заглядывала ему в рот.

Я точно знаю, что дело не в деньгах. Они ее не интересуют, ибо моя родительница – тот еще делец.

От продажи бабушкиной квартиры она выручила хорошую сумму и сделала из нее стартовый капитал. Мы, конечно, не миллионеры, но жили достойно на проценты. Раз в год ездили к морю, покупали обувь и одежду. Пусть не известных брендов, но качественных и достойных.

Моим первым желанием после поступления в университет стала добровольная сепарация. Я хотела сама зарабатывать. Мы были прописаны в Киришах, так что мне выделили комнату в общежитии. В спальном районе Питера нашлась неплохая подработка в ресторане, и мы с Дашкой пошли туда официантками.

Лишь бы не просить у родителей.

Теперь я все теряю. Новое место обитания находится у черта на рогах, общежитие, понятное дело, мне не светит, работа тоже обламывается. Не наездишься отсюда в другой конец Северной столицы.

«Да и не по статусу», – как заявил Алексей Юрьевич. Будто меня интересует его долбаный статус вместе с его дебильным сыночком.

Эх, если бы не кокос... Придурок мог подать в суд.

Черт. Вот вляпалась.

– Клав, я понимаю, что для тебя все в новинку. Но ты привыкнешь, – продолжает мягко стелить Алексей Юрьевич.

Когда он улыбается, морщинки собираются в уголках темных глаз и делают его добрее. Он становится похож на сына. Или сын на него. У них много общего. Широкие плечи, мускулистая фигура, высокий рост. Правильные черты, чуть-чуть горбатый нос, полные губы и пронзительный взор из-под густых и длинных ресниц.

Еще они блондины. Оба. Натуральные. С золотистой кожей и карими глазами смотрятся необычно. Экзотично.

Но я все равно не понимаю, что мама в нем нашла. Бабник, как и сыночек. Интернет услужливо подкинул сегодня целую серию статей про его молодых подстилок. Чего не женился на той губастой модели, к примеру?

Она очень походит на его первую жену, мать Егора. Та тоже супермодель, хоть и бывшая. У нее теперь агентство в Париже.

– Простите, но я не понимаю, – развожу руками в стороны и оглядываю замершую парочку. – Давайте начистоту. Алексей Юрьевич, зачем вы женились на маме? По завещанию какого-нибудь старого козла вам требуется приличная ширма с прицепом в придачу?

– Ну хватит. – Мама бросает салфетку на стол и поднимается, но ее новоиспеченный муж тут же кладет руку на ее предплечье.

Картина маслом: он качает головой, она шикает и падает обратно на стул.

Молчаливый диалог перерастает в такое противостояние. Заканчивается все коротким вздохом со стороны мамы, поглаживанием по плечу от Алексея Юрьевича и его увещеваниями, что мне сложно.

О да! Еще как, мать вашу!

– Клав, нет никаких старых козлов и завещаний, – возвращается к нашему разговору Алексей Юрьевич. – История проста и банальна: встретились, влюбились, поженились.

– Боюсь, ваши подстилки не оценят.

– Клава, прекрати! – рывкает униженная мама.

Ее взор заволакивает знакомое грозное облако, но мне плевать. Несусь, точно поезд без тормозов.

– Что? Ты видела статьи? Считала количество его баб? Там можно целое стадо моделей и актрис для будущего агентства талантов насобирать, – мое возбуждение нарастает.

– Девочки, прошу, не ругайтесь, – умоляюще тянет Алексей Юрьевич, но его никто не слышит.

– Это прошлое, Клава. Какая разница, что было до нашей встречи?

– Большая, мама!

Теперь я ору. Подскакиваю с места, громко хлопаю ладонями по столу. В глазах темнеет от боли. Игнорирую неприятное ощущение, веду плечами под громкое пыхтение напротив и тихое мужское бормотание.

– Тебе мало папы? – рычу с такой яростью, что вокруг, кажется, звенит воздух. – Не прочувствовала в полной мере гульки от одного, так нашла другого на замену?

Мамины черты искажаются. Сквозь внезапно проступившие слезы вижу боль и горечь. Читаю ее, как открытую книгу. Мои слова долетают до цели, бьют по болевым точкам, разбивают на осколки нашу крепкую связь.

– Никогда бы не подумала, что из всех людей на Земле против меня встанет родная дочь, – голос у мамы дрожит, но она старательно держит лицо.

– А я никогда не думала, что родная мать променяет меня на богатенького хахалю со смазливой рожей и толстым кошельком.

Теперь морщится Алексей Юрьевич. Его тоже задело по касательной. Он мотает головой, хмурит темно-русые брови, одергивает рукава закатанной рубашки. Белоснежная ткань идеально гармонирует с кроваво-красной скатертью.

Кажется, дом и его хозяин – единое целое.

– Клава, – застываю, потому что его взор пригвозждает к месту, – про меня говори что хочешь, но матери не хамя. За свою безграничную любовь к тебе она уж точно не заслужила подобного отношения.

В горле ком, внутри растекается ядовитая жижа из смеси сожаления, тоски, ревности и стыда. Давлю желание броситься к отвернувшейся маме, чтобы попросить у нее прощения. Задираю повыше нос, затем разворачиваюсь и шагаю к выходу.

– Приятного вечера. Спасибо за ужин, – бросаю перед тем, как исчезнуть в проеме.

В груди кипит и кипит. Вряд ли в ближайшее время мне станет легче.

Глава 6

Егор

Больничный – настоящее проклятие в моем положении.

От патовости ситуации не отвлекают ни тренировки, ни дурацкие лекции, которые я постоянно пропускаю за кубки для моей шараги. Лежать и плевать в потолок – самая отвратительная в мире вещь для спортсмена.

И чертов гном под ногами не путается.

Утром отец и мисс Барашек свалили на работу, а коротконожка – в универ.

Поиздеваться не над кем. Видеоигры достали до чертиков в седьмом классе.

Вот и сейчас врубаю плейку и гашу через полчаса. Ибо ничто не сравнится с азартом от игры на поле. Там я царь, бог и золотые ножки универа.

Мысль притащить домой шмару проскальзывает в голове. Пусть папаня от души вкусит тяжесть моего положения. Ему можно, а мне нельзя? Это и мой дом тоже!

Еще мамин. Последний раз мы созванивались месяц назад. У нее шла активная подготовка к громкому мероприятию. Бывшая модель, а ныне бизнесвумен, покоряла подиум лет с пяти.

Он – ее главная любовь и семья по сей день. Второе место в списке маминых фаворитов прочно занимают деньги. Что-то мне подсказывает, что Кристина Олеговна Довлатова-Поклонская не оценит потенциальное уменьшение своей доли, прописанной в папином завещании.

Ох уж эти тонкости брачных договоров...

– Вай, овечки, попрыгайте вы у меня, – злорадно хмыкаю и распахиваю крышку ноутбука.

Обратившись в доктора Зло, хохочу и медленно набираю маму по видео. Процедуру проделываю дважды. На третий раз кошусь на часы и прикидываю, чем занимается мама. Вряд ли она занята.

В такое время Кристина Олеговна только открывает глаза и порхает в перьевом пенюаре по дому. Заваривает какой-то суперполезный диетический кофе. Без сахара, кофеина, лактозы, глютенa и прочих прелестей, полагающихся нормальному функционированию здорового организма.

– Mon cher, Егор! – восклицает мама, а я вздрагиваю от неожиданности. Уснешь, пока дождешься.

Усмехаюсь. С образом не промазал. В бигудях, с мундштуком в руке она восседает на открытом балконе с приятным пейзажем и сжимает микроскопическую кофейную чашку.

– Только думала о тебе, дорогой. – С улыбкой протирает камеру. После чего выправляет осанку и смотрит в угол экрана. Естественно, разглядывает себя. – Почему не на учебе?

– Приболел.

– Ой, ничего серьезного? – Хлопает длинными ресницами.

Как сказать, мам. Меня чуть не прибила кокосом сумасшедшая, живущая в соседней комнате!

– Нет.

– Замечательно. – Цокает и стряхивает пепел с сигареты.

Мама, к слову, не курит. Это у нее такой вид медитации. А еще ее вдохновляют тридцатые годы прошлого столетия.

– А у вас нормально сидеть на улице в ночнушке? – шикаю недовольно, когда тонкая лямка скатывается с хрупкого плеча.

– Господи, Егор! – звонко смеется. – Алекс превратил тебя в ханжу. Женщина имеет право одеваться так, как она хочет и когда хочет.

С неудовольствием отмечаю, что искренности в старшей представительности семейства овечьих раз в шестьсот больше, чем в моей маман. Какие бы планы ни строила родительница гнома, но в хитрющих глазках, наполненных мудростью, плещутся честность и открытость.

Как и в мимике, коей моя мама обделена последние лет десять.

– Ладно, котенок. Была рада тебя увидеть. Прилетай. – Она чмокает воздух возле экрана, не забыв поправить выбившуюся из бигуди челку. – Только предупреди. Нужно договориться по датам с Пьером.

– Был же Жан? – лениво интересуюсь, на что она отмахивается.

– Ой, Жан, вспомнил тоже.

– А я думал, к нам в гости наведаешься, – мысленно потираю руки.

До взрыва осталось три...

– Дорогой, ты же понимаешь. У меня работа.

– Конечно. У нас просто праздник.

Замолкает. Щурится так, будто разглядывает на идеальном лице признаки морщин.

С подозрением.

Два...

– Папа женился, мам, – скалюсь и готовлюсь к красочной развязке.

Один.

– Что?!

Уверен, что на вершине Эйфелевой башни какой-то мужичок споткнулся. Еще бы. Ударная волна от маминого крика по сейсмической активности превышает допустимые пределы строений Франции.

Ее глаза наливаются кровью. В мои уши льются такие ругательства на четырех языках: французском, английском, русском и тюремно-воровском. Я знать не знаю половину слов из этих, но старательно фиксирую в памяти.

Лицо испуганного мужика мелькает на заднем фоне, но тут же исчезает. Когда кофейная чашка летит четко в него и разбивается о хлопнувшую дверь.

– Так ты заедешь? – С блаженным выражением лица откидываюсь на подушки. – Я соскучился.

– Естественно, солнышко, – крошит эмаль мама, а ее правое накрашенное веко нервно дергается. – К черту работу, верно? У семьи такой праздник!

– Отлично, ма! Жду тебя. – Посылаю воздушный поцелуй и, наполненный энтузиазмом, откидываю ноутбук.

Капец вам, овцы.

Кристина Олеговна Довлатова-Поклонская никого в живых не оставит. Сами сбежите со скоростью звука. Не успею произнести: «Мамочка, добро пожаловать домой».

Красота.

Подскакиваю с кровати и вприпрыжку лечу в центральную ванную комнату. У каждой спальни есть своя, но только в этой стоит огромное джакузи. А я имею небольшую слабость к пузырькам, пене, подсветке, гидромассажу и прочей атрибутике богатой жизни.

Потом пойду в бассейн. Мышцы атрофируются за три недели лежки. Водные тренировки сейчас то что нужно. Только сначала надо разогреться. Идеально подходит сауна, но ее посещение под запретом.

Врач сказал. Медсестра, вернее.

Как ее звали?

Настя или Лика...

Цокаю, постепенно погружаюсь в свои мысли и толкаю дверь. Она, как всегда, с первого раза не поддается. Замок заедает.

Неделю назад два козла ремонтировали гидромассаж и дохлопались. Теперь, когда нужно открыть дверь – она закрывается, а когда закрыть – заедает. Никак руки не дойдут вызвать мастера – папе же вечно некогда.

Надо Тамаре Степановне напомнить. Как ни крути, а возраст сказывается на качестве ее работы. Но мы привыкли, ведь она член семьи. Мелкие косяки поочередно прикрываем друг перед другом, чтобы не заводить разговор об увольнении.

То, что в джакузи кто-то есть, я понимаю только по зависшему в воздухе пару.

И жуткому визгу, который отражается от стен.

Блин.

Гном.

Глава 7

Клава

Вопль достигает наивысших децибелов, когда я вижу перед собой фигуру незнакомца в тумане. Прямо как тот ежик из мультфильма, передо мной возникает здоровенный мужик в белой футболке и джинсовых шортах.

– Не ори, дура!

Резко затыкаю рот, вдыхаю пропитанный малиновым гелем и парами воздух, потом выпускаю его обратно в помещение. Сердце колотится, как у зайца после забега от лисы, пальцы судорожно сжимают узелок полотенца.

– Конченный? – выдавливаю, когда передо мной из облаков возникает сводный братец.

– Что ты здесь забыла, гном?

Рычит, щурится, окидывает неприязненным взглядом. Будто смотрит на грязную вошь или на таракана. От него хочется спрятаться, скрыться, нырнуть под воду, которая давно стекла в слив вместе с густой пеной.

Плохая была идея.

Правильно Дашка сказала, что прогуливать пары – не вариант. Лучше бы поехала. Тогда не стояла бы здесь полуголая посреди просторной ванной с примерзшими от страха ступнями к мраморной плитке.

Вашу мать.

Я думала, что этот козел свалил по бабам!

– Благодарю своего папу, – шиплю ему в ответ и нервно поправляю влажные волосы. – Я сюда не просилась в гости.

– Зато благами пользуешься, как у себя дома.

– Не знала, что в этом доме моются строго по разрешению колченогого чемпиона по пинанию мячика на поле.

– Что ты сейчас ляпнула?

Зря я так сказала. Ой, зря.

Ноздри Егора раздуваются, затем он делает шаг вперед. Мои попытки отскочить терпят неудачу.

Во-первых, некуда. Дальше джакузи и душевая кабина.

Во-вторых, пол очень скользкий, и я немедленно теряю равновесие.

Только хватка на груди, которая удерживает меня за полотенце, спасает от травм. Егор стремительно приближается. Вижу каждую черточку. Невольно замечаю, что у него почти нет пор.

Идеальная кожа, как в рекламе гребаных средств от прыщей. Ни шрамов, ни неровностей.

Чем он ее мажет? Кровью несчастных сводных сестричек?

– Куда пошла, гномик? – тянет почти ласково, но от его интонации на затылке встают волосы дыбом. – Уже уходишь?

– М-м-мне... Надо...

Даю себе мысленный пинок.

Что за размазывание соплей, Клава? Ты сильная и почти независимая девушка! Оттолкни его!

– Что тебе надо, гномик? Хорошей порки? Или большой член? Могу обеспечить и то и другое. Но не привыкай. Это разовая акция щедрости для убогих нищенок из помойки, – его голос постепенно понижается до хрипа, от которого внутри рождаются совсем другие эмоции.

Радужки карих глаз темнеют и становятся почти черными. Егор резко теряет всю веселость и издевку.

Мне и страшно, и любопытно.

Хочется узнать, что там прячется за густой бездной, которая манит в свои объятия. Невольно поддаюсь инстинктам, подталкивающим в спину. Вижу, как расширяются его зрачки до немыслимых размеров.

Гадкий чертенок внутри меня издаст смешок.

Он же срывается с губ.

– Что такое, колченогий? – шепчу на выдохе. – Испугался маленького гнома?

Кадык дергается, Егор сглатывает. Пульс скачет как ненормальный. Грозит разорвать все артерии и устроить нам обоим внеплановый переезд в больницу на постоянной основе. С инсультом и инфарктом как минимум.

Ух.

– Пошла ты! – вдруг ревет взбешенный козел и отталкивает.

С визгом лечу прямо на плитку. Представляю, как по белому мрамору растекаются рубиновые капли крови. Красочные картинки сменяют одна другую. Где-то на задворках мелькает мысль, что стоило бы извиниться перед мамой за все грубые слова.

Приземление отрезвляет.

Прикусываю язык, когда зад обжигает болью. Охаю, шиплю сквозь зубы, скольжу ладонями по гладкой поверхности. Во рту появляется металлический привкус, перед глазами скачут цветные круги, а сквозь пар проносится рослая фигура моего недоумка-брата.

«Сводного», – гаденько напоминает чертенок.

– Фуедного, – отвечаю в унисон и кричу в спину Егора: – Кофлина!

– Вали из моего дома, овца! – летит вслед.

Застываю посреди ванной с чувством оскорбленной невинности. Так и тянет догнать урода, чтобы вклеить ему затрещину. Выбить остатки мозгов и самоуверенность, которые не вынес упавший кокос.

Приподнимаюсь, вскрикиваю и вдруг понимаю.

Черт возьми!

С меня же упало полотенце. Хорошо, что не при Егоре.

Хватаю с пола махровую тряпку и слышу, как неподалеку жужжит смартфон. Чуть не поскользываюсь второй раз, пока добираюсь до телефона. Прижимаю к груди полотенце, мокрыми и дрожащими пальцами смахиваю значок звонка.

– Да?!

– Клавесинчик, мой сисястый друг! Как я рад тебя слышать!

В трубке гремит бас лучшего друга. Невольно расслабляюсь. Его голос всегда действует на меня успокаивающе, несмотря на низкие ноты. Правда, ненадолго, потому что Матвей Забралов одним махом умудряется все испортить:

– Дашь списать домашку по английскому?

Скриплю зубами и с опаской кошусь на приоткрытую дверь, а сама аккуратно заматываюсь в полотенце.

– Там надо выучить текст, идиот. А перед этим его написать, – рассеянно отвечаю. – У Дашки не судьба? Я не в универе.

– Неть.

– Почему?

– Мисс я-динамо-парней не только не дает, но и домашку не дает, – отвечает Матвей и начинает ржать над собственной шуткой. – Прикольно, да? Парадокс.

– Очень. Последние извилины мячом добил.

– Ой, все. Не гунди. Так дашь?

– А твои клуши с пятого курса резко забыли английский?

– Они умеют только сосать и много говорить. *В английский* не умеют, Клавесинчик.

Вздыхаю, качаю головой.

Отношение Матвея к девушкам давно не удивляет. Парень-то он неплохой, но вот с само-мнением и наглостью та же беда, что у Егора. Наверное, все футболисты – придурки. Или дело в их типа дружбе со звездой нашей команды.

Насколько знаю, они как минимум хорошие приятели.

Козел – нападающий, а Матвей – вратарь. Идеальное сочетание. И таких целая команда. Одиннадцать человек придурков, которые в шортах скачут по полю и гоняют мячик до победного. Просто торжество идиотизма.

А парни – противоположности. Мой лучший друг хоть местами и ведет себя как кретин, но добрый. Девушкам в лицо гадости не говорит. Даже Дашке, с которой у него вечная конфронтация и негласная война.

Внезапная мысль озаряет в момент, когда я раздумываю, как Матвей вообще связался с Егором. Помимо команды, конечно.

– Мот, – зову Матвея, когда тот на секунду отвлекается.

– Че?

– А если за одну маленькую просьбу я пообещаю помогать тебе с английским весь год?

В трубке повисает молчание, мысленно скрещаю пальцы за спиной. Должно прокатить.

У Матвея в центре города есть двухкомнатная квартира, которую папа подарил ему на восемнадцатилетие. Он в ней практически не появляется, изредка устраивает там посиделки с девчонками или парнями.

Вдруг разрешит пожить? Я готова платить за аренду!

– Хм... Заинтриговала, Клавесинчик, – тянет Матвей. – Что надо? Убить кого-то? Имей в виду, я слишком красив, чтобы сидеть в тюрьме за непредумышленное.

– Не, не убить. Хотя было бы неплохо, – вздыхаю тяжело и опять кошусь на дверь. Тишина. Поганец сдох там, что ли? – Хотела напроситься в твою квартиру.

– Э-э-э.

– В связи с тяжелыми жизненными обстоятельствами.

– Не понял.

Ладно, настала пора суровой правды.

– Понимаешь, Мотик, – тяну трагичным тоном и присаживаюсь на край джакузи, потому что разговор предстоит долгий. – Все началось в день, когда ты пошел по бабам, а мы решили разбить кокос...

Глава 8

Егор

Ну-у...

Сотряс, похоже, я недооценил. Никогда на экзотику не тянуло, а тут – здрасьте, приехали. Стоит на гнома. Да как стоит! Колом, хоть лес иди валить. С трудом обретаю дыхание. Спина намертво приклеивается к двери. Секунда – просочусь внутрь и нагну раком новоиспеченную сестричку. Попробую все прелести незавидного положения.

Шумно выдыхаю.

По венам бежит адский огонь, пах пульсирует живым адреналином. Можно клеммы к соскам подрубить и запитать дом. Вместо генератора, ага. Ударяю затылком по стене и на счет три отрываюсь от нагретой поверхности.

Хватит разгонять. Виновата обстановка. Пар, мокрые капли, полотенце, игриво прикрывающее грудь. Вот фантазия в мозге, воспаленном травмой, и разыгралась.

Гномиха тоже виновата. Чего ее потащило в джакузи? Ванны мало? Приперлась с матерью на все готовое. Территорию размечает? Или специально хочет, как маманя, выгодно замуж выскочить? Чтобы точно закрепиться возле вкусной кормушки и деньги из нас сосать.

Шалава коротконогая.

Бесит.

Трясу головой в надежде выбить из памяти оленьи глаза. Как же искрятся ореховые радужки, когда на кончиках ресниц поблескивают капли воды. Святая невинность.

Если ее маман так же действует, то неудивительно, что батя потек. После Кристины Олеговны и сотни ее копий такой сущий ангел. Только нимба не хватает. И то вечно что-то сверкает в золотистых кудряшках.

Знаю девиц, подобных ей. На личико – целка, а между ног – Кольская сверхглубокая скважина. И рот с функцией вакуумного массажа шести режимов работы.

Такое годится для секса. И оно в моем доме.

Б-р. Мерзость.

До душа добираюсь со скоростью света. Когда прохладная вода скользит по волосам, понимаю, что погорячился.

Нет, если сучка хочет, чего отказываться?

Отыметь разок, в целях воспитания. Все.

Другое дело, что батя не оценит. Не доказать же, что она сама на член прыгает. Он на картинку ведется. Семья у него.

Идиот.

Теперь напряжение не спадает, а дрочить запаadlo. Пусть этим специально рожденные люди занимаются. Надо валить на проверенную хату. Тем более что скоро дом превратится в поле битвы Кристины Олеговны. В такой момент лучше иметь страховочное одеяло и подушку, ибо маман в гневе разнесет все.

Да и овечка Долли покажет зубки, не сомневаюсь.

Только владелец апартаментов похоти и разврата упорно трубку не берет.

– Мотька, мать твою, – трясусь смартфон и набираю друга десятый раз. – Ты баб уже по телефону имеешь, что ли? Совсем чокнулся?

Естественно, ничего, кроме гудков, я не слышу.

Кошусь на дверь. Член обиженно дергается, а на мутном стекле душевой проступает знакомый образ гномихи.

– Достала! – выкрикиваю гневно и со всех ног срываюсь в комнату. – Хватит с меня. Адьес, амигас.

Мотик же не расстроится небольшому подарочку? Прихвачу немного успокоительного. Элитного, звездного. Несколько литров. С десертом в виде двух длинноногих девиц.

Ключи от апартаментов у меня давным-давно есть. Пару лет назад договорились, что квартиру юзаем по очереди. Матвей – правильный чувак. Особенно для мамы с папой. Я полжизни прикрывал этого святошу.

Вот и воспользуюсь щедрым предложением отблагодарить.

Вещи улетают в сумку со свистом. На деле не так уж много мне нужно для спокойной жизни: лэптоп, зарядки, пара свежих футболок и сменные джинсы. Люблю хорошие шмотки, но не транжирю деньги впустую.

Тратить все на тряпки или бренды – верх идиотизма, когда в этом нет необходимости. Естественно, ни я, ни Матвей в китайских бутсах на поле не выйдем под страхом смертной казни.

Набираю следующий номер и, прижав телефон к уху, вылетаю из дома. Оцениваю остатки кэша уже за рулем.

Пошел к черту отцовский запрет. Не хватало еще на такси тратиться.

Порядком схуднувшая котлета улетает в бардачок. Негусто, конечно.

– Оу, котик, а я думала, ты совсем забыл про свою кису-у-у, – голосом недоразвитой ожившей куклы поет капитанша чирлидеров по имени Китти.

Катюха в простонародье.

Хмыкаю про себя и завожу движок.

Девчонка пересмотрела в детстве фильмов про американских подростков. Не рассматривала в бойфренды никого, кроме капитана футбольной команды. Но Кешу забили раньше, поэтому Китти переключилась на меня.

Наши отношения длиною в два года сводились к редким приветствиям на матчах и тренировках, а также бурному траху пару раз в месяц.

Такой расклад нас устраивает.

– Заеду за тобой через час, – тяну в трубку, когда выезжаю на магистраль. – Разомнись хорошенько. К Моте поедem.

– Оу, котик. На тройничок мы не договаривались, – игриво фыркает в трубку, а я воочию представляю, как Китти выпиливает острые когти цвета фуксии.

Бр-р.

Ублюдство.

У гномихи маникюр приятнее раз в триста.

– Блин, – шикаю зло.

– Что-то не так? – тревожно кашляет пародия на блондинок девяностых.

– Нет, это я про себя. Забей. Подружку какую-нибудь прихватишь?

– А тебе меня мало? – обиженно дуется.

– Местами слишком много.

– Что?

Нервно растираю лоб. Сука. Сегодня она как-то необычайно бесит.

– Ничего. Говорю, не будет тройничка. Подружку возьми, а то Мотья расстроится. Есть кто-нибудь из веселых, симпатичных девочек нам в компанию?

– Матвей? – заторможенно тянет.

Идиотка. Вспоминаю медсестричку. У нее мозга больше, чем у этой представительницы инфузории.

– Да, Матвей.

– Оу, так давай позовем Нелю.

– Э-э? – подвисяю, пытаюсь понять, о ком идет речь.

– Неважно, – заканчивает мои муки девочка на сегодня. – Стопроцентный вариант. Грудь – *тройка*, гибкая, гимнастка. И в восторге от Моти. Там уже все от него зависит.

Или от меня. Ибо я жалею, что Неля достанется не мне. По описанию она гораздо приятнее моей пустоголовки.

С другой стороны, чего расстраиваться?

Это же только сегодня.

Настроение стремительно поднимается. Нежно поглаживаю спортивный руль и насвистываю под нос какую-то надоевшую мелодию.

Матвей придет в восторг.

Будем считать, что это ему подарок от меня на днюху.

– Договорились. Жди, – кидаю в трубку и сбрасываю вызов.

Натрахаюсь до второго пришествия, а к моему возвращению ноги гномихи в доме не будет.

Глава 9

Клава

– Ты уверена, что переезд к болотному хмырю в его гадюшник – хорошая идея?

Уточнять у Даши, про какого хмыря идет речь, нет смысла. Во-первых, ясно, что про Матвея, ведь у них взаимная «любовь» на максималках. Во-вторых, кое в чем она права. Квартира моего лучшего друга – не самое удачное место для ночевки.

Как минимум потому, что он использует свою жилплощадь в качестве притона, куда водит девиц на одну ночь. Несмотря на кристальную репутацию в университете и при родителях, мой лучший друг – тот еще гуляка. Просто меня поражает, как при всех своих гуляках он умудряется ни с кем не ссориться.

С ним все бывшие в хороших отношениях. Его профиль в социальной сети ломится от количества друзей, личка вечно забита многочисленными сообщениями с охами и вздохами. Лента под фотографиями висит от количества комментариев, а лайков столько, что пару раз профиль Матвея блочили за якобы накрутку.

Какая накрутка, там баб видимо-невидимо!

– Уверена. – Кидаю очередную стопку одежды в дорожную сумку. Благо, что не до конца разобрала вещи и не позволила горничным все развесить по гардеробной. – Поживу пару месяцев. Потом попробую напроситься опять в общежитие. Или найду бюджетный вариант.

– Меня возьми, – вздыхает Дашка и с тоской оглядывает мою просторную спальню. – Жаль, что ты здесь не останешься. Тут красиво.

– Угу.

Спорить нет смысла.

В доме нового маминого мужа и правда неплохо. Несмотря на первое гнетущее впечатление, я оценила и современные технологии, которые удачно вписаны в ретростиль. Новая спальня тоже хороша.

Такой лаконичный минимализм с примесью экостиля. Много дерева. Льна, камня, но при этом просторно и светло. Огромная кровать, гардеробная, в которой можно жить, прилегающая к комнате личная душевая и удобное рабочее место – тоже несомненный плюс.

Не будь в этом доме одного бесячего персонажа, именуемого моим сводным братом, я бы, наверное, смирилась.

В конце концов. Тут неплохо.

Да и относятся ко мне, несмотря на мое отвратительное поведение, хорошо. Алексей Юрьевич делает вид, будто никакой ссоры за ужином не было. Он вежлив, деликатен и очень остроумен. Неудивительно, что мама в него влюбилась. К красивой внешности и деньгам прилагается еще куча прекрасных качеств, которые видно невооруженным взглядом.

Жаль, что его сын такой придурок.

– Ты можешь поехать со мной, – напоминаю подруге, и Дашка морщится в ответ. – Матвей, конечно, кретин, но в жилье не откажет.

– Нет уж. Обойдусь.

– А если приедет твой брат?

Она вздрагивает.

Напоминание об очередном члене ее сумасшедшего семейства вводит в ступор. Идет четвертый год, как Даша скрывается от религиозной родни, которая упорно желает ей «причинить добро». Проще говоря – выдать замуж за выбранного жениха. Друга ее родителей, который старше ее на двадцать лет.

Зато верующий. Как положено. А не вот эти «алкоголики, хулиганы и тунеядцы».

Гадость.

– Тогда перееду, – решительно заявляет и накручивает на палец темную прядь. – Но не раньше, чем хмырь уберет свой «сисечный тотем».

– Просто скажи, что это твой лифчик.

– Ни за что.

Хмыкаю, вспоминаю алтарь из Дашиного кружевного бюстгальтера на какой-то дорожной вазе в квартире Матвея.

Этот объект постмодернизма попал к нему совершенно случайно. Три года назад подруга рассталась с парнем из-за его измены прямо перед их первой ночью. В качестве утешения она бросила роскошный комплект из кружева с балкона. Трусы намотались на ветку дерева, а вот лифчик, подхваченный ветром, прилетел прямо Матвеем в лицо.

С тех пор он ищет обладательницу роскошного бюста. Того, что прячется под мешковатой одеждой Даши, в которой та ходит на учебу.

– Тебе стоит приглядеться к Мотику, – шутиливо пихаю подругу в бок. – Он нормальный парень. И мама у него классная. Они с моей давние подружки.

– А еще этот «классный», – ставит кавычки в воздухе, – парень водится с твоим сводным братцем-имбецилом. Ведь их папки – тоже лучшие друзья.

Закатываю глаза, негромко фыркаю.

Ну, подумаешь.

Альбина Владимировна не виновата, что у ее мужа в друзьях отец этого белобрысого кобеля.

– На солнце тоже бывают пятна.

Пожимаю плечами, затем застегиваю молнию. Проверяю приложение такси. Если судить по карте, моя машина приедет через сорок минут. Сей факт очень удручает, ведь Дашка добралась сюда гораздо быстрее. На общественном транспорте.

Только с чемоданами и сумками на метро с автобусами не погоняешь. Даже вдвоем.

Падаю на сложенную постель и скрещиваю руки на животе.

– Капец, – тяну печально. – Представляешь? Козел видел мою грудь.

– Господи, Клав, – хмыкает подруга и валится рядом. – Лучше грудь, чем отсутствие мозгов. Впрочем, он все равно не поймет. Живет без них уже много-много лет...

Заливаемся смехом, отчего под ребрами приятно рокошет.

Все-таки Даша – лучшее, что случилось со мной после поступления в университет.

Мы сразу нашли общий язык, притерлись, крепко сдружились. Она доверилась мне, а я – ей. Раньше с подругами у меня не ладилось. Все школьные приятельницы или вышли замуж, или отправились покорять столицу, или разбежались по другим учебным заведениям.

Теперь нас разлучают обстоятельства непреодолимой силы. Хотя мне и не нравится наше общежитие, но сосуществование под одной крышей с Егором для меня просто невозможно. В итоге мы поубиваем друг друга.

– Девочки, обед. – В комнату заглядывает домработница Тамара Степановна. Милая женщина, но очень забывчивая.

– Тамара Степановна, не нужно накрывать, – вздыхаю и повторяю в шестой раз: – Мы скоро поедем.

– И что? В дорогу голодными никто не собирается!

Она фыркает, затем исчезает в коридоре. Переглядываемся и синхронно поднимаемся.

Обед так обед.

– Ты рассказала маме, что переезжаешь?

Вопрос Даши повисает в воздухе, а я нервно кошусь на смартфон. Родительница точно не обрадуется такому раскладу. Нет, Матвея она любит, но не доверяет ему. Нутром чувствует, что он тот еще оболтус.

Поэтому мой переезд вызовет у нее протест.

Впрочем, я взрослая девочка. Кто мне помешает?

Деньги есть. Честно заработанные, между прочим. Могу и сейчас найти какую-нибудь халупу на окраине.

Только зачем, если друг щедро приглашает пожить у него? Плевать, что я сама выпросила. Жаль, раньше не додумалась.

– Позже напишу. Из такси.

Заодно попрошу прощения. Мы почти не ссоримся, поэтому подобные разногласия вносят сумятицу в наши устоявшиеся отношения. Мама для меня и лучшая подруга, и родитель, и пример для подражания.

Долго злиться на нее я не могу.

– Лучше позвони. – Дашка кивает на дверь. – Пошли? А то не успеем попробовать крабовый салат. Никогда его не ела.

– И я, – честно признаюсь. – Но я в целом к морепродуктам ровно дышу.

– А я обожаю.

Даша тащит меня на буксире к выходу, а я ловлю себя на мысли, что все складывается замечательно.

Подпрягусь и съеду от Матвея раньше запланированного срока. Постепенно привыкну к новому маминому статусу и научусь избегать общения с Егором в ближайшие триста лет. Если, конечно, Алексей Юрьевич не обидит маму, и они не разведутся в ближайший год.

Правда, тогда я прибью его.

– К слову, что ты пообещала сделать для хмыря? Опять английский? – интересуется Дашка, когда мы выходим из спальни.

– Ага.

– Боже, тупица никогда его не выучит.

– Ладно тебе, – улыбаюсь и обнимаю ее за плечи, – он просто не дружит с иностранными языками.

– Поправочка, он вообще с языками не дружит. Особенно русским.

– Нет, с языком он дружит. Одним. Длинным. Своим.

– Фу!

– Я не про это, Даша.

Глава 10

Егор

– Егор, куда ушел? – Китти влетает на кухню краснощеким растрепанным демоненком. – Пошли к нам.

Лениво оборачиваюсь, скольжу равнодушным взглядом по игриво покачивающимся бедрам. Вспоминается фраза из маминого любимого фильма «Служебный роман». Смешинки в моем зоре Китти принимает за интерес. Выпячивает пятую точку, прижимается к груди увесистым бюстом, затянутым в тонкую полупрозрачную майку.

– Мы заскучали-и, – выдыхает загадочно. Царапает красными коготками футболку, выбивая ленивые мурашки. Заспанным строем они маршируют к ширинке и пробираются под резинку боксеров.

– Моти нет, ты испарился...

Обиженно вытягивает губы трубочкой. Заглядывает в глаза преданной собачкой, трется жесткими горошинами сосков о торс.

Пара бокалов, и моя пассия готова на что угодно. Первый раз в жизни противно. Не вставляет. Совсем. Чертов кокос выбил последнюю радость, доступную на больничном. Умру монахом, и все из-за гнома!

Больше двух часов в квартире, а я из головы никак не выкину испуганный взгляд сводной сестрички. Занозой засела между шестеренок и не дает механизму слаженно работать. Не девчонка, а стихийное бедствие комнатного масштаба.

«Что бы такого с тобой придумать?» – крутится навязчивая мысль.

Нет, а что? Кокос оставлять безнаказанным?

Гномиха лишила меня всего: футбола, дома, денег и баб! А я просто отойду? Ага, бегу и падаю! Глотку ей вареньем не намазать?

С другой стороны, пусть испарится вместе с дурной мамашей. Токсичные овцы. От их ядовитого блеяния член не стоит. А вот от навязчивого присутствия Китти возбуждение, наконец, пробивается через плотный туман.

Влажный язычок жадно скользит по шее.

– Неля тоже заскучала-а.

Китти, довольная реакцией, обдаёт ухо горячим шепотом. Призывает бунт прислушавшихся гормонов. Они любопытно выползают из укрытия, щекочут пушистыми перышками, будоражат фантазию.

Намек на тройничок?

Грех отказываться!

– Мы там твистер разложили, – как бы невзначай цепляет ширинку.

Да, да. Знаю.

Острые зубки скользят по линии челюсти, а у меня из груди рвется смешок.

Нет, я не виноват!

Образ гномихи, раскрасневшийся над цветными кругами, возникает перед глазами. От старания она высовывает язык, кряхтит, изворачивается. Длинные веревки из капюшона розового худи чиркают по валяющемуся полотну.

Сука, обоссаться. Надо же быть настолько нелепой!

– Довлатов, ты debil? – вопросительно выгибает бровь Китти.

Давлюсь от распирающего смеха. Моя пассивность скрещивает руки под грудью, чем сильнее распяляет. Утираю выступающие слезы, пока она озадаченно накручивает на пальчик локон. Того и гляди выдерет с корнем.

Трахаться уже не хочется. Гном с кого угодно возбуждение на ноль сведет!

Раскоряка.

– Забей, – отмахиваюсь и тянусь к стакану с горячительным.

Нет, обычно я не пью. Много. Тренировки, режим, все дела. Но должен же извлечь пользу из дурацкого больничного.

– А где Мотя?

Пожимаю плечами.

Черт знает.

Пятнадцать раз пожалел, что не предупредил.

Неудобно выходит. Хата-то его. И то, что наши папаши давно дружат, не облегчает ситуацию. Вдруг он с бабой придет?

Стоит мне подумать о том, что неплохо бы разогнать девчонок по домам, как в замочной скважине скрипит ключ.

– Мотя! – радостно взвизгивает Китти и летит к двери. Белобрысый затылок исчезает со скоростью света.

Озадаченно разглядываю проход.

Пум, пум, пум.

Если с девчонкой, что-нибудь придумаю. В конце концов, никого серьезного он сюда не потащит. Чисто на потрахаться.

– Мама, роди меня обратно и попой наперед! Китти! – притворно радуется друг.

От ее визга на кухне стекло в рамках позвякивает. Но Матвей – душка. Никогда недовольства не покажет. Солнце, а не человек. Только излучение радиоактивное. Бабы вокруг мрут как мухи.

«Я люблю мир. Мир любит меня. Так и совокупляемся», – вспоминаю его главную цитату.

– Думал, быстрее апокалипсис грянет. – Засунув руки в карманы, тащусь к выходу. – Мотилиум, скорость улитки тебе не идет.

– Быстрее – не значит лучше, приятель, – хмыкает тот и суетится на пороге. – Клакентий, давай, не висни. Тут всегда так шумно. Сейчас выпру гостей, замки махнем – готово. Просачивайся поскорее.

Матвей с чемоданом отходит в сторону.

Столбенею.

На пороге стоит гном!

– Ты?! – хором кричим друг на друга.

Грудная клетка трещит от переполняемой ярости.

Все отобрала. Даже друга! Какого черта приперлась? Меня преследует или...

Нет, про это лучше не думать.

Прекрасно знаю, зачем сюда приходят девушки. И, сука, мне такое положение совсем не нравится!

Она же мне сестра. Хоть и временная. Сводная. Шатается по притонам. Все-таки в точку попал со своими предположениями. Не знает, под кого лечь, лишь бы жизнь себе, как мамочка, обеспечить.

Стискиваю кулаки. Зубы скрипят, волна гнева накатывает и несет меня вперед, но в последний момент замираю.

Другу не вдаришь, эту дуру тоже не тронуть. Девчонка же, хоть и безмозглая. Так и стоим, молча смотрим друг на друга.

– О, ребятки, вы уже ладите, – Матвей игнорирует наше обоюдное возмущение. – Все, Клавесинчик, располагайся.

Гном отрицательно машет головой.

– Стесняюсь спросить, Моть, – шиплю злобно и прямо смотрю в широко распахнутые глаза. – Как ты это иметь собрался?

Слова вылетают, прежде чем успеваю подумать. Замечаю, как хмурится Китти, но мне не до нее. Гном изумленно распахивает рот, понимание сказанного доходит до нее постепенно. До взрыва остается секунда, затем ее радужки знакомо темнеют.

– Да я тебе глаза выцарапаю! – визжит и летит на меня.

Глава 11

Клава

Невидимое забрало с грохотом опускается, как только до меня доходит смысл сказанного. Срываюсь с места и несусь прямо на ошалевшего Егора. Перед глазами встает его смазливая, разукрашенная моими ногтями рожа.

Надо было добить кокосом, чтобы не мучился!

– Клавесинчик, стоп!

На подлете меня подсекает лучший друг, которому достается ни за что и ни про что. Ударяю Матвея по голове, рвусь в бой с кличем индейцев. Плевать на двух испуганных девиц, хмурого Егора и последствия разборок с мамой.

Тварь! Да он меня практически с подстилками уравнил!

– Отпусти! – ору взбешенным носорогом и рвусь в бой, но Матвей крепче перехватывает за талию. – Дай я ему втащу!

– Господи, давайте вызовем полицию, – пищит какая-то крашенная выдра, в которой я с трудом узнаю Катю Гаранову.

Не то чтобы нас связывает близкое знакомство, просто Даша ходит заниматься в тот же чирлидерский клуб, что и эта безмозглая дылда на каблуках. Ее из универа не выкинули только за выступления на университетских мероприятиях.

– Звони! – рывкаю зло и перевожу яростный взор на застывшего Егора. – Заберут одну невоспитанную обезьяну в зоопарк, чтобы сделать из него человека, пока не поздно!

Мой недобратец нахохливается, Катя, или Китти, как она себя называет, оборачивается к такой же тонкокнутой высоченной девице с черными волосами. Та, правда, помалкивает. Только хлопает ресничками и переводит взгляд то с меня на Матвея, то с Матвея на Егора.

– Неля, набери 03!

– 02, имбецилка, – огрызаюсь я.

– Егорчик, скажи ей! – верещит Катя и хватает моего братца за руку, отчего появляется желание выдрать эту изящную кисть с мясом. И пальцы переломать. По одному.

– Прекрати.

Он стряхивает ее конечность и, наконец, обращает свое внимание на меня. Взор останавливается на Матвее, который по-прежнему стоит за моей спиной.

– Ладно, буйная парочка, – хмыкает друг после непродолжительного молчания, – давайте разбираться. Девчули, не сбегайте нам за водичкой на кухню? – кивает в сторону дальней комнаты, и обе девушки с неохотой подчиняются. Просто удивительная послушность для тех, кто минуту назад рвался вызывать спецназ для спасения Егора.

Тяжело дышу, гневно прожигаю взглядом невозмутимого братца. При мысли, что утырок притащился сюда ради очередной веселой оргии, внутри все вскипает. Хочется одновременно залить всю квартиру хлором и надавать ему по щекам, чтобы образумился.

Беспорядочный секс приводит к серьезным последствиям. Он не знал, что ли?

Впрочем, какая мне разница?

– Пусть извинится и свалит отсюда, – хмурюсь от собственных мыслей и немного расслабляюсь в объятиях Матвея. – На этом конфликт исчерпан.

– Нет уж, – упирается вдруг Егор. – Я сюда первый приехал.

– А я первой позвонила!

– Так это ты та овца, с которой Мотя час трещал?

– Да ты...

– Ребятки, брейк!

Матвей неожиданно выходит из-за моей спины и встает между нами, как арбитр на арене. Мы с Егором тяжело дышим, зло смотрим друг на друга, затем переводим взоры на него. Улыбка на лице Матвея невольно трогает какие-то затаенные участки.

– Косметичка у меня, – шутливо произносит Матвей и карикатурно закатывает глаза, затем прижимает ладонь к широкой груди. – Давайте, Клавесинчик, Горчик, жмите лапки, сцепляйте пальчики и приговаривайте: «Миришь, миришь...»

– Мы в детском саду, что ли? – фыркает Егор и скрещивает руки на груди. – Еще ерундой маяться.

– Горчик, я опущу тот факт, что ты оскорбил мою почти младшую сестричку. Пока опущу. Но всегда могу передумать и съездить тебе в тейбл, если услышу хоть одно нехорошее слово про Клавесина. Андерстэнд?

С торжеством во взгляде смотрю на невыносимого козла. В голове хохочут демонята, а на сердце теплеет злорадство. Егор мнетя, бесится, раздраженно цыкает. Явно недоволен тем, что друг не на его стороне.

Радует, что Матвей не поддержал недоумка из мужской солидарности и не промолчал. Повел себя благородно, защитил меня от необоснованных нападков. Впрочем, как и всегда. Мой лучший друг действительно лучший во всех смыслах этого слова.

– Да плевать вообще, – бурчит Егор, затем разворачивается и тянется за брошенной сумкой у тумбы для обуви. Ее мы замечаем только сейчас, когда он хватается за ручки и поднимает. – Плевать, переночую в отеле.

Правильно, катись.

– А в чем дело? – против воли выдыхаю с едким смешком. – Из дома выгнали за плохое поведение?

– Мотя, я тебя, конечно, люблю. Но держи свою ручную обезьянку на привязи и в наморднике, – игнорирует мой вопрос недобратец.

– Вообще-то я хотел спросить о том же, но несколько вежливее, – с намеком тянет Матвей.

Закрываю рот.

Еще не хватало поссориться с ним из-за придурка.

– Неважно.

– Гор, – вновь раздается предупреждающее.

Шумно вздыхаю, когда парни напряженно переглядываются. Какое-то непонятное и тревожное чувство дергает за невидимые ниточки, заставляет меня неловко опустить взор на носки своих кед. По непонятной причине мне хочется остановить Егора и спросить снова, но уже по-человечески: почему он с дорожной сумкой, а не сидит дома в кровати?

У него, в конце концов, больничный. Сотрясение, все дела. Шататься по городу в его состоянии не лучшая затея, тем более он наверняка за рулем.

Неужели поссорился с отцом?

– Мама приезжает, – звучит неожиданно мрачное и какое-то раздраженное.

Вскидываю брови, непонимающе верчу головой. Матвей вдруг меняется в лице, Егор тяжело сглатывает и как-то виновато косится на меня. Словно его мать – воплощение дьявола на земле, поэтому лучше с ней не встречаться.

– Брат, ты же ей не звонил? – с надеждой спрашивает Матвей, и я, наконец, решаю подать голос.

– А в чем дело?

– Позвонил, – опять игнорирует меня Егор.

– Гор, ты дурак или прикидываешься? Зачем?!

Внутри закипает возмущение, когда парни меня настойчиво игнорируют.

– Что происходит? – рычу и дергаю Матвея за рукав легкого бомбера. – Эй, Матео, колись!

– Ох, вот как тебе сказать... Представь, что ведьму Гингему скрестили с Королем Ночи из «Игр Престолов», а потом у них родился Саурон в юбке, который очень любит Париж, моду и богатых мужиков...

– Эй, ты говоришь о моей маме, – аж подпрыгивает Егор.

– Хорошо, хорошо. Оставим Саурона в покое, представим просто неуправляемую ядерную ракету, которая сама решает, где взорваться и как сильно, – послушно кивнул Матвей.

– Ничуть не лучше.

– А лучше – это не к твоей маме.

Глава 12

Егор

Побег из курятника не удался.

Такое чувство, что я три месяца рыл ложкой подкоп в соседнюю камеру. С сисечным тотемом и наглой овцой в подарок.

Что за вездесущий гном?

Бесит.

Ведет себя так, словно знает хату. Отправила Матвея мыть посуду, выгнала баб. Того и гляди тапочки притащит и завоюет про гвоздь, не забитый десять лет назад. Робот-жена на минималках. Аж тошнит.

Теперь с невозмутимым видом сворачивает твистер. Периодически зыркает на меня. Сочувственно. Как на щенка, которого выбросили на улицу в дождь.

Совсем обнаглела.

Это мой отец приволок их с помойки! Ее с мамашей, а не меня!

– Мы с сисечками подумали, и я решил, – тянет Матвей, просунув голову в дверной проем. – Оставайтесь жить оба.

Гном замирает, многострадальный твистер летит на пол и послушненько раскручивается снова. Друг проходит в комнату, затем дышит на высокую вазу и любовно потирает натянутым на ладонь рукавом. Расправляет кружева свисающего с нее бюстгальтера и, закинув руку на тотем, улыбается.

Аж весь светится от своей гениальности.

Задумчиво разглядываю довольную харю.

– Нет, я всегда подозревал, что тебя в детстве роняли, – скрещиваю руки и поднимаюсь с круглого траходрома. – Но не под КАМАЗ же?

– Может, я на тебя кокос скинула, а не на этого недоразвитого? – шикает взъерошенный гном. Матвей цыкает и обнимает мою сестрицу за плечи. По-хозяйски так. Мол, успокойся, я все решу.

Сука.

Прям парочка века, блин.

Любитесь и размножайтесь, честное слово. При чем здесь я? Зачем передо мной так крутятся?

– Скинула? – шиплю свирепо. – Ты чуть не лишила команду нападающего. А если бы у меня мозг вытек?

– Ой, было бы чему вытекать.

– Брейк, братья и сестры. Сейчас я дерьмо, – смеется Матвей и подмигивает раскрасневшейся гномихе.

От зубного скрежета грозит обвалиться люстра.

Нет, все. Достали.

– Да, ты! – За два шага преодолеваю разделяющее нас расстояние, и друг инстинктивно прижимает гнома к себе. – И отлипни от нее! Иди вон бюст натирай!

Две пары глаз ошарашенно пялятся на меня. Матвей и гном переглядываются, а затем косятся, как на умалишенного.

– Гор, ты че?

– Ниче! – Дергаю подвисшую сестрицу на себя. – Она теперь член моей семьи, поэтому откати яйца и без кольца со справкой из КВД не приближайся.

– Не много на себя взял? – раздается снизу визг, который сопровождается пыхтением и возней.

– Ты вообще заткнись, – пишу паром, от которого скоро разорвет грудную клетку. – Приперлась в притон. У тебя мозг есть? Или он в заднице? Не успела к фамилии присосаться, решила сразу ее прославить?

– Ты в этом притоне жить собрался!

Гном дергается сильнее. Перехватываю тонкие запястья за ее спиной одной рукой и прижимаю дуру к себе.

– Я другое!

Щурится злобно. Метр с кепкой, а норова через край. Скоро крышечку сорвет. *У меня.*

Подвисаю. Вновь. Клава запрокидывает голову, и густые волосы больше не скрывают лицо. Взгляд цепляется за маленькую родинку над правой бровью, потом скользит на крохотный шрам, теряющийся на виске.

Все как-то... мило?

Детальки, от которых внезапно теплеет в животе. Передо мной маленькая хрупкая девочка. Пальцем можно раздавить. Рука тяжелеет от желания прикоснуться к белой линии, исчезающей в волосах.

Трясу головой.

Бред.

– Тебе можно совать член в кого попало, и репутации твоего папочки это не повредит? – шипит в лицо.

Слава яйцам!

Все тот же надоедливый гном.

– Именно! – кричу в ответ.

– Эй, эй, брейк, – восклицает Матвей и хватает меня за плечо. – Гор, ты ей суставы вывернешь. Давай, парень, расслабься. Ты на нервяке, но варик-то норм.

– Нет! – орем хором.

Но гнома я отпускаю. Показательно вытираю ладони о джинсы и запихиваю руки в карманы.

– Слушай, мы в доме не ужились. Думаешь, здесь замечательно будет? – переводя дыхание, отправляю гнома в игнор и концентрируюсь на друге.

– Мыслим логически, – выдает Матвей, а я закатываю глаза. – Нет, Гор, послушай, Клава-весинчик, ты тоже. Seriously. До момента, как ваши родители сошлись, существование друг друга вам же не мешало, так?

– Так, – нехотя бурчит сзади гном.

Не смотрю в ее сторону. Кто она вообще такая?

– Я не знал, кто она, – озвучиваю вслух свои мысли. – На эту моль только ты мог позариться. Бабы кончились, видимо, нормальные.

– Дурак. Даже матери родной не нужен.

Ее удар попадает в цель. Точно между ребрами, где бьется сердце глупого мальчишки, который по-прежнему надеется на любовь дорогого человека. Несколько минут уходит, чтобы прогнать жалящие эмоции.

Шумно втягиваю воздух, но молча злюсь на язвительную сучку.

Дрянь.

Матвей довольно улыбается.

– Вот и живите дальше, будто ничего не произошло. Пока там ее психейшество не успокоится. Потом решите: возвращаться на руины или как. У Клавы все равно бабок нет...

– Мотя!

– ...у тебя тоже кэш не резиновый. А родаки и без вас разберутся.

Разберутся, ага. Батя оставит овцу в покое, когда мать уничтожит ему последнюю нервную клетку. Мой старик продолжит обогащать подстилок, прямо как раньше. Так себе перспективка.

Может, я зря?

Черт с ним, что там задумала мамаша Клавы. Если бате нравится обманываться, и он счастлив с ней?

Неспроста же женился. Второй раз в жизни.

Но наблюдать за тем, как его тупо разводят, тоже не могу.

– Думаю, ты прав, – выдаю нехотя. – Батя охотнее согласится, если гном переедет сюда. Не придется лишний раз с ним ссориться.

– Ну, – морщится Матвей и косится на Клаву, – есть один моментик, который может его смутить в этой ситуации.

– Какой?

Он многозначительно опускает взгляд, после чего вновь смотрит на меня с понимающей ухмылкой. Типа ты что, не догоняешь?

А я реально не догоняю, чем ему не угодила моя ширинка. Застегнул же. А легкий тонус в члене, так Китти старалась. Отложенный эффект.

– То, что я девочка, идиот, – стонет гном. – И мы не родственники. Кровные.

К счастью.

– О, ты планируешь прокатиться у меня на члене в качестве бонуса? – хмыкаю, зыркнув через плечо на покрасневшую Клаву. – Не переживай. Будешь вмешиваться, баб выгонять, как сегодня – прокатишься. Гарантирую.

Глава 13

Клава

Плохая идея, очень плохая.

Жизнь в одной квартире с полудурочным сводным братцем закончится кровавой бойней, где не будет победителей. Или я убью его и сяду в тюрьму, или он меня, и тоже отправится шить одеяла за решетку.

– Милая...

Мама поджимает губы, пока я старательно давлю улыбку на пару с Матвеем и Егором. Ее взгляд темнеет, грозные облака обещают мне и двум моим сообщникам кары небесные. Даже придурок несильно втягивает голову в плечи, когда встречается с ней взглядом.

– Мы хотим самостоятельности! – говорю твердо в пятый или шестой раз, пока удерживаю дрожащей рукой смартфон. – Мне нужна моя работа, полная свобода действий и все такое. К тому же мы не будем болтаться у вас под ногами и мешать вашему медовому месяцу.

От последних слов нас с Егором едва не тошнит на барную стойку, но желание выбраться из-под родительского надзора и вкус свободы оказываются сильнее. Да и неприязнь к нему понемногу стихает в душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.